

ИЗГНАННАЯ

Даниэль Харрингтон

Москва
2025

Читайте в серии:

1. Изгнанная

Продолжение следует...

ИЗГНАННАЯ

Даниэль Харрингтон

Москва
2025

УДК 821.111.1
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Danielle Harrington
The Diseased Ones

Copyright © 2020 Danielle Harrington
All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever, including Internet usage, without written permission from the author.

Иллюстрация на обложке OМLET
Разработка серийного дизайна *Алины Лавровой*

Харрингтон, Даниэль.
Х21 Изгнанная (#1) / Даниэль Харрингтон ; [перевод с английского А. Н. Проходского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-187959-4

2647 год. Цивилизация достигла наивысшей стадии развития, а блага высокотехнологичного мира доступны каждому — только если ты не Прокажённый. В крови таких людей есть биомаркер, благодаря которому у них пробуждаются удивительные способности. Однако много лет назад была Ужасная война, и Прокажённые чуть не стали причиной гибели всего человечества. Теперь по достижении шестнадцати лет каждый должен пройти тест, чтобы подтвердить чистоту своей крови.

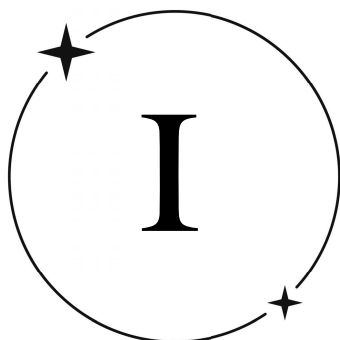
Холлис Таймвайр мечтает о дне своего совершеннолетия, чтобы наконец начать приносить пользу стране. Но когда тест внезапно выявляет в её крови биомаркер, она должна бежать из города с другими Прокажёнными.

Теперь Холлис вынуждена уживаться с теми, кого ненавидела всю жизнь. Однако рассказы Прокажённых сильно отличаются от истории, которую девушка учила с самого детства. Кто же ей врёт: родители или новоиспечённые друзья? Какие способности у неё проявятся и сможет ли Холлис когда-либо вернуться домой?

УДК 821.111.1
ББК 84(7Сое)-44

© Проходский А., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-187959-4

«Сегодня моя жизнь изменится навсегда. Сегодня я стану полноценным членом общества».

Я плотнее запахиваю голубой школьный пиджак и сглатываю подступивший к горлу комок. Прячу руку в карман и нащупываю документы. Пальцы ощущают шероховатую грубую поверхность, и это придаёт мне уверенности. Всё хорошо. Бумаги на месте. У меня всё получится.

— Соберись, Холлис, — шепчу я себе.

Я откидываюсь на спинку сиденья в белом фургоне и расправляю плечи. Обвожу взглядом салон и считаю пролетающие в окне столбы.

Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Я насчитала двенадцать столбов.

Я пристально рассматриваю носки туфель и говорю сама с собой, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Сегодня я стану нужной своей стране. Сегодня я принесу присягу правительству. Мои знания пригодятся на том посту, который... который... — Пока я пытаюсь подобрать слова, в горле окончательно пересохло. Руки одеревенели. Сжимаю кулаки. Меня знобит. Я вспоминаю советы мамы. «Сегодня я помогу...»

— Сегодня я помогу изменить мир.

Приободряюсь. Потом хмурюсь и отчитываю себя, резко осудив собственную неуверенность. Хватит хныкать как маленькая. Я уже взрослая. Вернее, стану ею через час. Нельзя так нервничать.

Закрываю глаза и представляю безупречное лицо матери. Точёные высокие скулы, тонкий нос, безмятежные карие глаза, изысканные манеры. Ни единого признака страха или неодобрения. Вот мой идеал. Черты лица у нас схожи, но моему далеко до такой сдержанности. Сегодня мне исполняется шестнадцать, но я всё ещё не умею скрывать эмоции. Сегодня день избрания. Сегодня станет ясно, выиграла ли я в генетической лотерее.

— Сегодня я повзрослею, — произношу я вслух.

На меня накатывает смесь восторга и ужаса. Я изо всех сил пытаюсь подавить чувство смятения и тревоги. Ребячество. Чего я так разнервничалась? Смешно и очень глупо. Я обязательно пройду тест. Это замечательный день, знаменательный день. Я должна испытывать

гордость. Тем более что правительство заботится обо всех.

Фургон ускоряется и резко сворачивает за угол. Меня кидает в сторону, я хватаюсь за край кресла, и в нос ударяет запах новой кожаной обивки. От него становится дурно.

Мой рот кривится, и мне едва удаётся сдерживать рвотный порыв, но всё обходится. Не понимаю, что на меня нашло. У меня никогда не было подобных проблем. В крайнем случае могу побледнеть.

Наверное, всё дело в том, какой сегодня день. «Соберись, Холлис. Не смей ничего испортить. Только не перед дверями правительственного здания. Только не в день теста».

Подобная ошибка может плохо отразиться на том, как меня примут в центре тестирования Зоны 19.

Я слышу ласковые слова матери: «Делай всё, что тебе скажут. Всё закончится быстро».

Я пообещала, что они с папой будут гордиться мной. Она сказала, что я готова, и я повторила её словам. Я готова.

Я представляю мамино сдержанное лицо. Располагающее к себе, с почти целительным взглядом. Как у неё это получается?

Взревевший двигатель возвращает меня в реальность. От этого звука внутри всё сжимается, и решительность снова куда-то улечивается. Я заставляю себя собраться. Тест — обязательный ритуал, знак моей чистоты

и значимости как гражданина мира. Бояться нечего.

Сегодня я стану взрослой. Сегодня я узнаю своё предназначение. Я представлю миру своё великолепно сотворённое совершенство.

— Совершенство, — говорю я. — И ничего, кроме.

Я придаю своему лицу безразличное выражение, которое мне предстоит носить всегда. Общественный стандарт на абсолютную сдержанность придаёт мне уверенности. Я знаю, чего ждут от меня сегодня — невзрачного облика, полного самообладания и абсолютного подчинения. Именно это я им и продемонстрирую. Я считаю цветные волокна, вплетённые в мой пиджак. Шесть, семь, восемь, девять. Десять. Не знаю, почему мне так нравится всё считать. Это успокаивает.

Фургон снова сворачивает за угол, и с экранов, расположенных на остановках, в глаза бросается яркая омерзительная реклама. Она сверкает по обеим сторонам дороги, настойчиво предлагая купить очередной сверхнеобходимый товар. Я по привычке игнорирую её и сквозь тонированное стекло смотрю на колосс, возникший перед нами — нависшую над городом величественную громаду центра тестирования.

Искусные жемчужные барельефы, казалось, заполняют всё пространство улицы. Богато украшенные колонны взмывают ввысь, поддер-

живаемые десятками ведущих к входу мраморных ступенек. Стекло́нные раздвижные двери сверкают на солнце.

Может показаться, что довольно глупо отправляться на тестирование на машине, когда живёшь всего в паре кварталов от центра тестирования в Капитолии, но это необходимое условие. Я бы не рискнула оспорить его. На тестирование сопровождают всех.

Фургон тормозит, и я, подавшись вперёд, упираюсь в пол каблуками коричневых шнурованных ботинок.

— Путь к совершенному обществу лежит через совершенное подчинение, — произношу я, проникаясь чувством значимости. Я сжимаю губы и умиряю расшалившиеся нервы. Скоро всё закончится, и тогда я действительно смогу приступить к служению цели.

Машина, останавливается у ступенек, и металлическая дверь отъезжает в сторону. Мой сопровождающий — грузный мужчина в изысканном костюме, предусмотрительно замер у входа, помогая мне вынырнуть из нутра фургона. Лицо у него тоже бесстрастное, но не такое, как у мамы. Это деловая и строго рассчитанная сдержанность. Я всё понимаю. В конце концов, он сопровождает нетестированного ребёнка. Я бы тоже нервничала.

Выхожу на свободу из предписанного правительством заточения и, сделав глубокий вдох, начинаю подниматься по лестнице.

Серебристый пистолет в руках моего стража направлен на меня. Мама сказала, что я не должна бояться оружия. Сама знаю, что это всего лишь предосторожность, но к горлу невольно подступает новый ком. Я с трудом сглатываю его и сосредоточенно начинаю считать ступеньки.

Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. Тридцать.

Мужчина неотступно следует за мной. Вместе мы преодолеваем последний пролёт и направляемся к стеклянным дверям.

— Прошу, — произносит он. — В регистра-туру.

— Слушаюсь, сэр.

Я сую руку в карман, чтобы лишний раз убедиться, что бумаги на месте. Как будто они могли волшебным образом улетучиться за короткий путь от моего жилища до приёмной. Надо покончить с этим. Документы со мной. Всё хорошо.

Я поправляю воротничок и распрямляю плечи. Я готовилась к этому моменту всю сознательную жизнь — так почему мне так трудно сдерживать эмоции?

Краем глаза замечаю блеск пистолета, но отворачиваюсь. Не отвлекаться. Сейчас есть вещи гораздо важнее.

Мой сопровождающий подводит меня к высокому инкрустированному столу. Я подхожу к строго одетой регистраторше. За одним ухом

у неё торчит красная ручка, удерживая собранные в пучок каштановые волосы. Она отрывается от своего занятия и вытаскивает ручку из-за уха.

— А, мисс Холлис Таймвайр. Рада видеть, — говорит она. — Родители должны гордиться тобой. Вступление в возраст — это важный этап.

— Да, мэм.

— Ты без сомнения станешь замечательным дополнением к нашему обществу.

— Благодарю.

— А учитывая последнее повышение твоего отца, у тебя не возникнет проблем с продвижением по службе, — щебечет она. — Уверена, что ты пойдёшь по его стопам. Командующий офицер элитных войск Зоны 19. Есть на кого ориентироваться. Какое distinguished семейство.

Я скромно склоняю голову:

— Вы очень добры.

— Можно мне взглянуть на твои документы?

— Конечно, — киваю я, вытягивая из кармана несколько листов бумаги. Верхняя кромка заляпана грязью, и очертания золотой президентской печати слегка размыты.

Она тут же вцепляется взглядом в этот недочёт. У меня дрогнули губы, и, кажется, желудок сейчас выскочит наружу.

Сквозь сумятицу мыслей в голове снова пробивается голос матери: «Холлис, сегодня ты станешь взрослой».

— Я знаю. Я совершила ошибку.

— У нас ошибки недопустимы.

Ошибки недопустимы. Я должна была знать, что хилая полка над моим столом совсем не место для аквариума. Нельзя было ставить Бетту туда. Хорошо, что бумаги вообще сохранились.

— Так-так, — говорит регистраторша, забирая документы.

Ей требуется немного времени, чтобы просмотреть все листы. Она осторожно разворачивает каждую бумажку, как будто прикасается к чему-то гадкому и омерзительному. На её лице ничего не отражается, но поза становится напряжённой. Ладони потеют, и я сжимаю их, как в молитве.

Она на мгновение отворачивается от меня, чтобы написать что-то на невидимой мне доске. Скрежет красного маркера, отражаясь от сводчатого мраморного потолка, в абсолютной тишине коридора кажется оглушительным.

Ещё ничего не началось, а я уже получила плохую отметку...

Семнадцать шариков. Семнадцать шариков, образующих цепочку, которой пристёгнута чёрная ручка к стойке. Этой ручкой я подпишу свою присягу.

— Что ж, похоже, всё в порядке, — говорит регистраторша, заканчивая просматривать последнюю страницу. — Прошу вас написать свои инициалы и поставить подпись — вот здесь.

Я беру ручку, откидывая цепочку поверх запястья, и пишу своё имя. Служащая забирает бумагу и аккуратно убирает её в большую папку.

— Прощу вас, пройдите вон туда, мисс Таймвайр, — произносит грузный мужчина в белом костюме. Он указывает на лифт в дальнем углу холла, и я иду следом за ним. Звякнув, двери лифта расходятся в стороны. Я вхожу

— Пройдите идентификацию, — произносит мелодичный голос.

Мужчина кладёт большой палец на сканер отпечатков прямо над кнопочной панелью. Лифт мигает.

— Идентификация пройдена.

Я вижу тринадцать отполированных кнопок. Наверху маленькая белая, отличающаяся от других двенадцати серебристых.

Сопровождающий нажимает на кнопку «третий этаж», и лифт приходит в движение, устремляясь вверх с тошнотворной скоростью. Желудок сжимается, но я беру себя в руки.

Почему я так нервничаю? Люди больше не проигрывают в этой генетической лотерее. Такого больше не случается. С последнего случая прошло двенадцать лет. Двенадцать. Пора прекращать вести себя как недисциплинированный ребёнок. Нужно успокоиться. Это просто тест. Тест проходят все. И всегда успешно.

Я делаю несколько успокаивающих вдохов, когда лифт останавливается и двери, звякнув,

расступаются. Я выхожу, и мой сопровождающий ведёт меня к первой двери — комнате ожидания. Он касается ладонью боковой панели и дверь открывается.

— Займите место и ждите вызова.

— Да, сэр.

Я едва успеваю договорить, как дверь передо мной захлопнулась. Сопровождающий избавился от меня, и, наверное, он очень этому рад.

С минуту я стою, замерев на месте, пока до меня не доходит, что я должна сесть. Я занимаю ближайшее ко мне сиденье. Оно идеально белого цвета, и когда я оглядываюсь, то понимаю, что вокруг всё белое. Неестественно белое.

Кто-то кашляет, и я едва не подсакиваю до потолка. Быстро прихожу в себя и кладу руки на колени. Я не сразу замечаю, что в комнате ещё семеро новобранцев, смирно ожидающих своей очереди в полной тишине. Их лица непроницаемы, как и положено лицам послушных детей, но наверняка все думали об одном и том же.

С какой стати я могу провалить тест? Есть ли у меня биомаркер? Один случай на десять миллионов?

Желудок снова сжимается. Сегодня я не могу рассчитывать на свои достижения, потому что это тест не моих знаний и навыков. Это тест крови.